

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 14, Is. 2, pp. 130–138, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.14.130

www.ejournal15.com

UDC 78(470)

The Origins of Soviet Musical Subculture (1950–1960s)

Alexander A. Venkov

Gymnasium № 14, Rostov-on-Don, Russian Federation
8, 30th line street, Rostov-on-Don, 344037
PhD (History)
E-mail: venkov_alex@mail.ru

Abstract

The article analyzes the process of formation of a fundamentally new phenomenon – youth music subculture in the Soviet Union in 1950–1960s. The phenomenon of Soviet dudes (*stilyagi*) and its impact on youth subculture is characterized. The author identifies the main trends in youth music subculture.

Keywords: music subculture, Soviet youth, *stilyagi* (dudes), rock'n'roll, Soviet authorities, official ideology, lifestyle.

Введение

При изучении проблем крушения СССР, как правило, основное внимание исследователя сосредоточено на проблемах и издержках советской системы плановой экономики, развитии межнациональных отношений, вопросах эффективности советского партийно-государственного аппарата, ходе «перестройки». Иными словами, исследователь в первую очередь сосредоточивается на политико-экономических проблемах. В то же время незаслуженно мало уделяется внимания состоянию самого советского общества, его проблемам и чаяниям. Тому, насколько перемены, постигшие Россию на данном этапе ее исторического пути, были обусловлены именно общественными запросами. Однако мы придерживаемся той точки зрения, согласно которой именно социум выступает основой государственного устройства и экономической системы общества. Конкретное государство и экономическая система являются если не оптимальными, то наименее противоречивыми для своего общества. И все крупные, судьбоносные изменения в государстве в первую очередь обусловлены именно состоянием общества. Соответственно, корни крушения Советского Союза стоит искать не в последнюю очередь в состоянии советского общества, тенденциях его развития и запросах.

Материалы и методы

Основу работу составили источники личного происхождения: интервью, воспоминания, мемуары лиц, непосредственно причастных к анализируемым явлениям и процессам. Также использованы материалы советской печати, посвященные исследуемой проблематике. В качестве основного метода исследования выбран историко-генетический подход, нацеленный на изучение генезиса конкретных исторических явлений в процессе их развития.

Обсуждение и результаты

Определенным показателем серьезных трансформаций советского общества стало появление в его недрах общественных движений, не связанных напрямую с официальной системой общественных и общественно-политических организаций советского общества – КПСС, комсомолом, профсоюзами. Так, А.В. Шубин выделяет следующие направления данных течений: идейные течения (западники, славянофилы и социалисты); диссидентское движение (оппозиция) и неформальные движения [1]. Объектом нашего исследования являются неформальные движения, или субкультуры, и в первую очередь музыкальная субкультура. Поскольку в отличие от идейных течений и диссидентства советская музыкальная субкультура, появившаяся в 1970-х гг., была куда более многочисленна, с одной стороны, и сформировала определенный ценностный базис, могла оказать серьезное влияние на советское общество – с другой, что позволило в известной степени подготовить почву для последующих перемен. Однако данную роль советская музыкальная субкультура могла сыграть лишь в зрелом своем состоянии – с середины до конца 1980-х гг. До этого ей предстоял долгий путь зарождения, становления и развития. Именно изучение процесса формирования и развития советской музыкальной субкультуры является целью данного исследования.

Из альтернативных музыкальных субкультур рассматриваемого периода мы можем выделить два основных течения: бардовскую песню и рок-музыку. Принципиально важно отметить то, что, несмотря на определенную схожесть, бардовская песня и отечественная рок-музыка (на этапе своего появления в СССР более распространенным было название «биг-бит») имеют совершенно разные корни. Историк музыки и публицист И.В. Смирнов определяет, что в основе бардовской школы лежит национальная поэтическая традиция, в основе роковой школы – интернациональная музыкальная традиция середины XX в. [2]. В этом и заключается их принципиальное отличие друг от друга. И если поэзию «шестидесятничества» и бардовскую песню мы можем в известной степени назвать бронзовым веком русской поэзии, то рок-музыка оказывается обращенной к совершенно иному опыту, иному ценностному и культурному коду.

Предметом нашего исследования является рок-музыка и увлеченные ею люди как одна из основных советских молодежных субкультур, оказавших влияние на формирование ценностного и культурного базиса советской молодежи 1970–1980-х гг. Как отмечает Г.С. Кнабе, «рок-музыка – контркультура – культура – общество – история представляют собой члены единого ряда, и понять первые два можно только на фоне двух последних (как, впрочем, и наоборот). Во-вторых, рок никогда не был только музыкой, но прежде всего стилем жизни и общественной позицией – социокультурный смысл этой позиции можно понять лишь из связи ее с остальными сторонами явления» [3]. Данное значение рок-музыки в жизни общества обуславливает заявленную цель исследования.

С конца 1940-х гг. советская власть на страницах главного сатирического журнала страны «Крокодил» осуждает молодых людей, которые «лишь порхают по поверхности жизни» [4], тем самым декларирует появление в основном столичной молодежной субкультуры, так называемых стилияг. Именно с этого времени, на закате сталинской эпохи, мы можем отметить появление принципиально новой для советского общества субкультуры – стилиажничества. Суммируя ряд определений данного феномена, можно сделать вывод, что стилиажничество – это относительно локальная молодежная субкультура конца 1940-х – начала 1960-х гг., взявшая в качестве эталона западный (преимущественно американский) образ жизни. Стилияг отличала нарочитая аполитичность, определенный цинизм в суждениях, отрицательное (или безразличное) отношение к некоторым нормам советской морали. Подражание западному образу жизни выражалась в повышенном интересе к западной музыке (в первую очередь к джазу), танцам, моде, в ряде случаев интерес распространялся на современные американские литературу и живопись. Главным источником информации о западной моде и «стиле жизни», наравне с фильмами «Серенада Солнечной долины» и «Девушка моей мечты», были чрезвычайно редкие в СССР и оттого чрезвычайно ценные зарубежные журналы.

Рис. 1. Обложка журнала «Cosmopolitan». 1941. № 2

Рис. 2. Мари-Элен Арно – французская актриса, модель, модельер, фотография, опубликованная в журнале «Лайф», автор – Лумис Дин, 1957 г. [5]

Возможно, при всех своих попытках тотального контроля над сферами жизни советского гражданина советская власть не очень представляла себе, что же это за явление – стилиажничество. Об этом свидетельствует текст одного из первых фельетонов, посвященных данной проблеме. Описывая поверхностность образования и узость кругозора стилиаги, автор отмечает: «Стилиага знаком с модами всех стран и времен, но не знает, как мы смогли убедиться, Грибоедова. Он детально изучил все фоксы, танго, румбы, линды, но Мичурина путает с Менделеевым и астрономию с гастрономией. Он знает наизусть все арии из «Сильвы» и «Марицы», но не знает, кто создал оперы «Иван Сусанин» и «Князь Игорь»» [6]. Однако жанр оперетты был так же далек от вкусов стилиажничества, как и жанр оперы. Да и в целом образ стилиаги в фельетоне – это образ беззаботного, бессодержательного, бесполезного для страны и народа мотылька или «пустоколоски», как выразился автор фельетона. Возможно, это и спасло стилиага от более крутых мер, чем фельетоны, приводы в ближайшее отделение милиции для «профилактической беседы», «проработки» на комсомольских собраниях или, как крайние меры, исключение из вуза или рядов ВЛКСМ. Напомним, что начиная с 1948 г. по стране шагает одна из последних сталинских кампаний – борьба «с безродным космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом». И осозная власть, что творится прямо под боком, что «крайне несознательные» советские юноши и девушки слушают исключительно западную музыку, преимущественно американскую, читают западную литературу, преимущественно американскую, одеваются, как герои «Серенады Солнечной долины», общаются между собой на языке, состоящем преимущественно из англицизмов, то едва ли дело обошлось бы только фельетонами. Также ситуацию смягчал и тот факт, что изрядную долю стилиаг составляли представители советской «золотой молодежи» – дети партийных функционеров, военной элиты, ученых, которые имели довольно широкий доступ как к информации о западном образе жизни, так и к конкретным атрибутам этого образа.

Рис. 3–4. Главный сатирический журнал страны «Крокодил» представлял стилиг в виде крайне омерзительных персонажей: поганок, обезьян [7, 8]

Рис. 5. Костюм «с искрой», галстук «с обезьянкой» – неперенные атрибуты молодого бездельника и шалопа из «приличной» семьи [9]

Бесспорно, феномен стилижничества был куда более глубоким, чем его представляла советская власть. Данная субкультура явилась своеобразным стихийным протестом против навязываемых стереотипов поведения, а также против единообразия в одежде, музыке и в стиле жизни. Стилижничество не создало полноценных самостоятельных образцов молодежной культуры. Однако мировоззрение стилиг оказало немалое влияние

на умонастроения последующих молодежных неформальных объединений. По сути, оно стало неким культурным каналом связи советской молодежи, и западной культуры в целом, и музыкальной модой в частности. И факт непонимания властью сущности и содержания стиляжничества говорит о том, что с конца 1940-х гг. между властью, идеологией и весьма немногочисленной на первых порах, но активной частью советской молодежи образовалась трещина, а затем и пропасть незнания и непонимания друг друга.

К началу 1960-х гг. стиляжничество постепенно сходит на нет. Причины этого мы видим главным образом в том, что рубеж 1950–1960-х гг. становится своего рода зарей новой эпохи. Подробный анализ этого периода составили П. Вайль и А. Генис в своей монографии «60-е. Мир советского человека» [10]. Отметим основные события, которые существенно, напрямую или опосредованно, повлияли на сознание советского общества и, в частности, молодежи. Это Международный фестиваль молодежи и студентов в Москве и запуск первого искусственного спутника Земли в 1957 г., полет Гагарина в космос, «дружба» с Кубой после событий на Пляя-Хирон и принятая на XXII съезде КПСС Программа построения коммунизма в 1961 г. Отныне оппозиционность, общественный изоляционизм оказались не в чести, их место заняли сопричастность жизни великой страны, тяга к знаниям и покорениям новых вершин, оптимистический взгляд в будущее, революционный романтизм. Однако эти изменения в сознании молодежи несколько не повлияли на интерес к западной популярной музыке. Более того, советская молодежь следовала строго в фарватере западных тенденций. Так, например, в киноповести Марлена Хуциева о молодежи рубежа 1950–1960-х гг., о ее проблемах и стремлениях «Мне двадцать лет (Застава Ильича)» в качестве музыкального сопровождения вечеринки в сцене с картошкой звучат барочный менуэт, современная французская эстрада и американский рок-н-ролл. Что характерно, герои фильма не стиляги, а обычная советская молодежь, которой, по замыслу автора, и предстоит строить будущее. И подобное музыкальное сопровождение не вступает в диссонанс со спорами в той же сцене о том, «о чем можно говорить серьезно» – о революции, патриотизме, войне, 1937 года, о том, что «у нас, почти всех, нет отцов».

Первым опытом непосредственного контакта советской молодежи с западной культурой стал Международный фестиваль молодежи и студентов в Москве в 1957 г. Вместе с ним в Советский Союз приходит мода на новое американское веяние – «прогрессивная» советская молодежь оказалась «полностью зачарована и заморожена неслышанными доселе ритмом и мелодиями – американским рок-н-роллом» [11]. На что вскоре вполне определенно отреагировала власть. На XIII съезде комсомола в 1958 г. первый секретарь ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепин заявил, что «американский танец рок-н-ролл воспитывает разболтанность, поощряет ненужные и нежелательные чувства» [Цит. по: 12]. Однако дальше простого осуждения дело не пошло, и рок-н-ролл становится все более и более популярным.

Новая мода породила и новые тенденции. На данном этапе развития советского музыкального андеграунда в Москве, Ленинграде и столицах прибалтийских республик, в первую очередь в Риге, появляются первые самостоятельные музыкальные группы, ориентированные на исполнение западной рок-музыки. Появление первых групп в столице и портовых городах было обусловлено тем, что здесь молодежь имела широкий доступ к новинкам западной музыкальной культуры, западным музыкальным периодическим изданиям, музыкальным инструментам.

Новоявленные коллективы играют композиции западных популярных рок-н-рольных групп и исполнителей: Чака Берри, Билла Хэйли, Литтла Ричарда, Элвиса Пресли и других. Основное внимание уделяется аутентичному звучанию, внешнему облику, манере держаться на сцене: «Самыми преданными фанатами англо-американского рока были сами наши музыканты. Их священной миссией и главной заботой было спеть и сыграть как можно ближе к оригиналу, скопировать в точности каждый звук, тембр каждого голоса. И это вовсе не считалось недостойным имитированием – напротив, было очень почетным и целиком соответствовало ожиданиям публики. Записи оставались вещью не очень доступной, дискотек не было, и живые меломаны в форме местных бит-групп отчасти компенсировали музыкальный голод» [13].

Рис. 6. Элвис Пресли. Кадр из кинофильма “Jailhouse Rock” [14]

Основной аудиторией новоявленных групп были посетители молодежных кафе и студенческих клубов и аудиторий. Вот как описывает атмосферу концертов основатель одной из первых в СССР рок-н-рольных или «биг-битовых» групп “Melody Makers” Пит Андерсон: «Везде, где бы группа ни играла, – в школах, на частных вечеринках (часто также под видом чьего-то дня рождения устраивали концерт), в техникумах и институтах, на свадьбах и т.д. – полуподпольные концерты группы сопровождал прием слушателей, близкий к экстазу. Люди танцевали, как сумасшедшие, кричали, – по сути, просто адекватно принимали музыкантов и рок-н-ролл, но в то время это считалось поведением, не соответствующим облику “строителя коммунизма” <...> Излюбленным местом проведения концертов была всегда Академия художеств (“Акушка”), известная своим свободомыслием и либеральным отношением как со стороны студентов, так и со стороны преподавателей. Каждый раз, когда “Makers” играли в Академии, фаны “штурмовали” ее, пытаясь пролезть внутрь, используя все возможные и невозможные пути – через окна туалетов, крышу, подвалы, просто силой и обманом проталкиваясь и пробиваясь через охрану у входных дверей» [15]. Однако несмотря на все расширяющуюся популярность увлечение рок-музыкой уже очевидно вышло за пределы столиц – власть фактически игнорировала это явление: «...вся бит-сцена существовала абсолютно вне всяких связей с официальной культурной и общественной жизнью. Это был даже не оппозиционный и критикуемый “андеграунд”, а просто нечто совершенно отдельное и независимое. О новорожденном советском роке не писали в газетах и не говорили на совещаниях, им не интересовались концертные организации и Министерство культуры» [16]. Возможно, это было связано с тем, что официальные органы, осознав очевидную бесперспективность борьбы с неизменно устойчивой модой у молодежи на западную музыку, попытались взять эту музыку «на вооружение». Однако власть реагировала на молодежную моду с очевидным опозданием, и потому на протяжении ряда последующих лет в творчестве «официальных» советских композиторов регулярно появляются песни, выполненные в «классической», явно запаздавшей твистовой стилистике: «Лучший город Земли», «Королева красоты» Арно Бабаджаняна в исполнении Муслима Магомаева, «Последняя электричка» Давида Тухманова, «Черный кот» Юрия Саульского и ряд других.

Качественно иное увлечение рок-музыкой начинается с середины 1960-х гг., что практически совпадает по срокам с волной «битломании» в Европе и США. Как вспоминает А. Градский: «Я хотел петь, но в голове творился полный сумбур. И так было до 1963 года, когда я впервые услышал “Битлз”. Со мной был шок, истерика. Пришли эти ребята и сразу

все поставили на место. До них была только прелюдия» [17]. «Рок-н-ролл был для меня магической комбинацией звуков <...> эти звуки являлись чисто религиозным откровением (наподобие горящего куста) и навсегда отменяли пресный мир моих родителей», – пишет Б. Гребенщиков [18], без преувеличения, один из «столпов» отечественной рок-музыки.

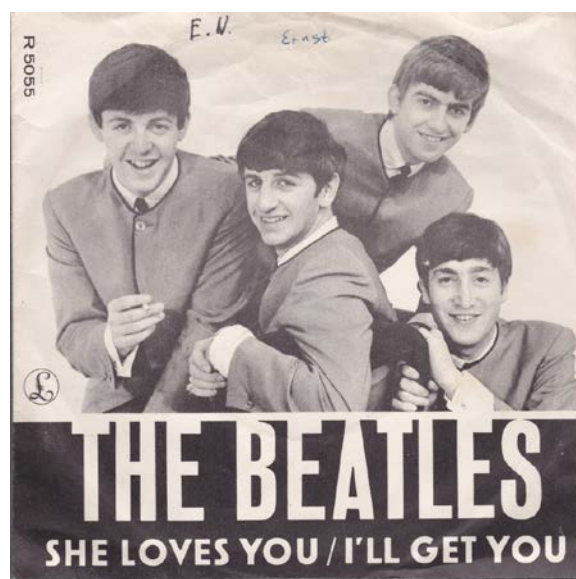

Рис. 7. Обложка сингла “The Beatles” “She loves you / I’ll get you”, положившего в 1963 г. начало битломании – явлению скорее социальному, нежели культурному

В чем же заключался секрет широкой популярности западной рок-музыки у советской молодежи? Тот же И. Смирнов приводит две основные причины данного явления. Во-первых, это новая эстетика, включавшая в себя такие элементы, как запретность и очевидная альтернативность официальной советской эстраде, фольклорная простота, доступность и универсальность, и, во-вторых, это массовое распространение портативных магнитофонов, что позволило с легкостью копировать и распространять музыкальные записи [19]. Музыкальный критик, публицист А. Троицкий видит причину популярности “Beatles” не только в ценностных и технических причинах, но и в сугубо музыкальной составляющей: «Элвис и рок-н-ролл были хороши, но слишком экзотичны для нас. Жесткий “черный” ритм, быстрый темп, гиперсексуальный голос – колоссально, неслыханно, идеально для новых танцев, – но можно ли рок-н-рольных “крикунов” представить “своими ребятами”? А Beatles были рядом, и не географически, а душевно. <...> У Beatles были мелодии. Для русского уха это необходимо. Хороший ритм и сочный звук всегда приветствуются, но без красивых, напевных мелодических линий шансы на настоящий успех сводятся к минимуму» [20]. На феномен мировой «битломании», настолько чуждый по форме советской молодежи, не могла не отреагировать официальная пресса: в чрезвычайно популярной «Литературной газете» 19 декабря 1964 г. появляется разгромный фельетон Н.В. Богословского «Из жизни “пчел” и навозных “жуков”» [21], в котором автор в чрезвычайно критичных тонах характеризует творчество “Beatles”, предрекая славу на «год-полтора», не более. Однако, осуждая на словах, уже в 1967 г. фирма грамзаписи «Мелодия» в диск «Музыкальный калейдоскоп № 8» включает песню “Girl” из альбома “Beatles” 1965 г. “Rubber Soul” без ссылки на группу, указав в качестве авторов Дж. Леннона и П. Маккартни. Разумеется, говорить о легализации творчества ливерпульцев не приходится. Фактически власть попросту «закрывает глаза» на такое явление, как повальная мода на западную музыку, тем самым сделав ее безопасной для советской молодежи. «Тотальный контроль отошел в прошлое, на смену ему пришло тотальное игнорирование» [22].

Как отмечает И.В. Смирнов, именно «творчество “Битлз” стало катализатором резкой смены типа молодежной музыки и разбудило в наших “стилягах” собственные творческие

потенции» [23]. К этому можно добавить, что помимо творчества “Beatles” свое влияние оказали относительная легкость распространения зарубежных пластинок в «столицах», доступность «западных голосов» и возможность переписать оригинальные музыкальные записи. Действительно, зачем слушать «клон», когда есть возможность услышать оригинал? И уже в 1965–1966 гг. в Москве появляются группы с аутентичным русскоязычным «биг-битовым» репертуаром – «Славяне» и «Скоморохи», основанные А. Градским. В Эстонии в то же время Пит Андерс основывает группу “Optimistid”, исполняющую рок-н-ролл на эстонском языке. В 1969 г. в Ленинграде В. Рекшаном основывается группа «Санкт-Петербург», программа которой уже составлена целиком из песен на русском языке.

Выводы

Подводя итоги, отметим, что в конце 1940-х гг., вопреки официальной идеологии и борьбе с космополитизмом, для определенной части городской молодежи своеобразным ориентиром становится современная западная культура, в первую очередь англо-американская, и «западный образ жизни» (музыка, мода, времяпрепровождение). Постепенно данное «увлечение» превращается в полноценную субкультуру, в первую очередь музыкального характера, в которой присутствуют свои идеальные образцы, свои подвижники, круг поклонников (адептов), свой сленг. Принципиальным является то, что в отличие от многих возникших в это время неформальных течений в советском обществе данная культура никоим образом не противопоставляла себя «официальному курсу», существуя и развиваясь словно бы вне контекста политического строя. Немаловажно и то, что советская молодежь, несмотря на очевидную сложность, фактически невозможность контактов с западными сверстниками, практически без опоздания воспринимала западные музыкальные тенденции и моду. Это подтверждает мнение о том, что «эпоха 1960-х» не только музыкальное, но и социальное явление, перешагнувшее государственные и идеологические границы.

Рубежом между этапами формирования субкультуры становится вторая половина 1960-х гг., когда простое музыкальное заимствование становится недостаточным. В это время появляются первые музыкальные группы, пытающиеся создать свои, доморощенные образцы культуры, обращающиеся к отечественной поэтической традиции, что знаменует новый этап в формировании советской молодежной субкультуры.

Примечания:

1. Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1977–1985 гг. М., 2000.
2. Смирнов И.В. Время Колокольчиков – жизнь и смерть русского рока. М., 1994. С. 7.
3. Кнабе Г.С. Избранные труды. Теория и история культуры. М.; СПб., 2006. С. 20.
4. Беляев Д.Г. Стиляга // Крокодил. 1949. № 7. С. 7.
5. Loomis Dean. Marie-Hélène // LIFE Magazine. 1957. № 5.
6. Беляев Д.Г. Стиляга... С. 7.
7. Кукрыниксы. Поганки // Крокодил. 1960. № 2.
8. Худяков Л. Обезьяны // Полиграфическая мастерская ЛССХ «Боевой карандаш». Л., 1957.
9. Пророков Б. На папиной «Победе» // Крокодил. 1954. № 6.
10. Вайль П.Л., Генис А.А. 60-е. Мир советского человека. М., 2013.
11. Pete Anderson. Official Site. URL: <http://www.pitsandersons.lv/rus/biography/childhood> (дата обращения: 12.04.2015).
12. Парфенов Л.Г. Намедни. Наша эра. 1946–1960. М., 2015. С. 242.
13. Троицкий А.К. Back in the USSR. СПб., 2007. С. 34.
14. Jailhouse Rock. Metro-Goldwyn-Mayer, Inc. Reproduction Number: LC-USZ6-2067 Location: NYWTS – BIOG.
15. Pete Anderson. Official Site. URL: <http://www.pitsandersons.lv/rus/biography/> 60s (дата обращения: 12.04.2015).
16. Троицкий А.К. Back in the USSR... С. 35.
17. Троицкий А.К. Back in the USSR... С. 31.
18. Гребенщиков Б.Б. Не песни. М., 2002. С. 175.
19. Смирнов И.В. Время Колокольчиков – жизнь и смерть русского рока... С. 10.
20. Троицкий А.К. Back in the USSR... С. 31–32.
21. Богословский Н.В. Из жизни «пчел» и навозных «жуков» // Литературная газета. 1964. 19 декабря.

22. Троицкий А.К. Back in the USSR... С. 34–35.
23. Смирнов И.В. Время Колокольчиков – жизнь и смерть русского рока... С. 10.

References:

1. Shubin A.V. Ot “zastoya” k reformam. SSSR v 1977–1985 gg. M., 2000.
2. Smirnov I.V. Vremya Kolokol’chikov – zhizn’ i smert’ russkogo roka. M., 1994. S. 7.
3. Knabe G.S. Izbrannye trudy. Teoriya i istoriya kul’tury. M.; SPb., 2006. S. 20.
4. Belyaev D.G. Stilyaga // Krokodil. 1949. № 7. S. 7.
5. Loomis Dean. Marie-Hélène // LIFE Magazine. 1957. № 5.
6. Belyaev D.G. Stilyaga... S. 7.
7. Kukryniksy. Poganki // Krokodil. 1960. № 2.
8. Khudyakov L. Obezany // Poligraficheskaya masterskaya LSSKh “Boevoy karandash”. L., 1957.
9. Prorokov B. Na papinoy “Pobede” // Krokodil. 1954. № 6.
10. Vayl’ P.L., Genis A.A. 60-e. Mir sovetskogo cheloveka. M., 2013.
11. Pete Anderson. Official Site. URL: <http://www.pitsandersons.lv/rus/biography/childhood> (data obrascheniya: 12.04.2015).
12. Parfenov L.G. Namedni. Nasha era. 1946–1960. M., 2015. S. 242.
13. Troitskiy A.K. Back in the USSR. SPb., 2007. S. 34.
14. Jailhouse Rock. Metro-Goldwyn-Mayer, Inc. Reproduction Number: LC-USZ6-2067 Location: NYWTS – BIOG.
15. Pete Anderson. Official Site. URL: <http://www.pitsandersons.lv/rus/biography/60s> (data obrascheniya: 12.04.2015).
16. Troitskiy A.K. Back in the USSR... S. 35.
17. Troitskiy A.K. Back in the USSR... S. 31.
18. Grebenshchikov B.B. Ne pesni. M., 2002. S. 175.
19. Smirnov I.V. Vremya Kolokol’chikov – zhizn’ i smert’ russkogo roka... S. 10.
20. Troitskiy A.K. Back in the USSR... S. 31–32.
21. Bogoslovskiy N.V. Iz zhizni “pchel” i navoznykh “zhukov” // Literaturnaya gazeta. 1964. 19 dekabrya.
22. Troitskiy A.K. Back in the USSR... S. 34–35.
23. Smirnov I.V. Vremya Kolokol’chikov – zhizn’ i smert’ russkogo roka... S. 10.

УДК 78(470)

Истоки советской музыкальной субкультуры (1950–1960-е гг.)

Александр Андреевич Венков

Гимназия № 14 города Ростова-на-Дону, Российская Федерация
344037, Ростов-на-Дону, 30-я линия, 8
Кандидат исторических наук
E-mail: venkov_alex@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется процесс формирования в Советском Союзе в 1950–1960-х гг. принципиально нового явления – молодежной музыкальной субкультуры. Рассматривается феномен стиляг и его влияние на молодежную субкультуру. Выявляются основные тенденции развития молодежной музыкальной субкультуры.

Ключевые слова: музыкальная субкультура, советская молодежь, стиляги, рок-н-ролл, советская власть, официальная идеология, образ жизни.